

Н.Н. ЗАРУБИНА

Развитие рынка и некоторые особенности социального конструирования времени в российской культуре*

С момента появления в буржуазном обществе социокультурной максимы "время–деньги" влияние денег на социальное конструирование времени стало одной из наиболее актуальных проблем, имеющих не только теоретическое, но и прикладное значение. Так, в период рыночных преобразований в России одной из основных для всего общества стала проблема быстрого обогащения, "быстрых денег". Вопрос о том, *как* заработаны деньги, трансформировался в вопрос: *за какое время* можно заработать определенную сумму денег. В социальном и культурном смысле оказались обесценены те формы деятельности, денежная отдача от которых отложена, "отнесена" в будущее. Напротив, привлекательными стали занятия, приносящие *быструю* прибыль. На поверхности лежат объяснения установок, присущих переходному периоду, как связанных с нестабильностью финансовой и валютной систем, которые делают рискованными долгосрочные проекты любого рода и побуждают быстро тратить или вкладывать деньги.

Однако представляется, что у них есть и более глубокие социокультурные основания, обусловленные влиянием денег как социокультурного феномена на социальное конструирование и осмысление времени. Предметом анализа, соответственно, будет влияние развития рынка в форме денежного обмена, а также развития виртуальной финансовой экономики в условиях глобализации на динамику представлений о времени в российском обществе.

От циклического традиционного времени к линейному инструментальному времени рынка

Конструирование социального времени определяется всем комплексом культуры. Поэтому традиционным обществам, рыночным обществам модерна и современному обществу, существующим в условиях глобализации и массового потребления, присущи различные парадигмы социального времени.

Общим свойством всех форм представлений о времени эпохи традиционности являлся их *циклический характер*, которому свойственна относительность ограниченности и рядоположенности временных промежутков: прошлое, настоящее и будущее в сознании людей сосуществуют и обладают одинаковой реальностью. Принципиаль-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 07-06-00186).

Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

но важно, что символический обмен, доминирующий в традиционных обществах, связывал текущее настоящее в равной степени и с будущим, и с прошлым, делал прошлое актуальным, постоянно присутствующим в настоящем [Бодрийяр, 2000, с. 45].

Известный медиевист А. Гуревич, базируясь на сравнении традиционного и буржуазного отношения ко времени, отмечал, что традиционные общества не знают *утилитарной и инструментальной* ценности времени и в этом смысле безразличны к нему и его не ценят именно в качестве потребляемого и практически используемого объекта. Однако они проявляют ко времени собственный специфический интерес и вкладывают в него свои собственные ценности и смыслы [Гуревич, 1984, с. 43–44]. Конструкт времени в традиционных обществах оказывался производным от имманентных, стабильных свойств природного окружения и бытия человека. Поэтому время рассматривалось не как внешняя форма бытия, а как сакральная, неизменная, стабильная его составляющая, неотделимая и неотчуждаемая от человека. Здесь «время-господин. Поэтому можно сказать, что концепция времени развивалась как неаналитическая, унитарная, симбиотическая, объединенная и объединяющая. В ее контексте у человека не могло "быть" или "не быть" времени; время-господин существования не могло быть предметом потребления. Напротив, время управляло человеком и господствовало над ним» [Abdel-Malek, 1981, p. 181].

Затраты времени были тогда соразмерны потребностям человека, и было естественно, что те из них, которым придавалось наибольшее значение, забирали и максимум времени. Так, время молитвы, время созерцания, обряда, праздника имело не меньшую, а порой и большую социальную ценность, чем время труда, поскольку оно использовалось для спасения души, выполнения символических обязанностей, способствовавших социальной интеграции. Мерой ценности продукта было не затраченное на его производство рабочее время, а полезность, красота, добротность, на которые не жалели времени.

Вследствие неутилитарности традиционное время не знало *деления на абстрактные и универсальные отрезки*, отличные от естественных периодов природного и социального бытия – времен года и суток, работы и отдыха, повседневности и праздника, этапов жизни человека, семьи, рода, и т.д. Универсальное абстрактное деление времени в традиционных обществах не было возможным не просто в силу отсутствия специальных часовых механизмов, но прежде всего потому, что стабильная, всегда соотношенная с реальными потребностями человека деятельность *не вызывала социальной значимой необходимости* подобных операций. Социальное время традиционных обществ не воспринимается как полезное, инструментальное благо, которое должно быть строго учтено и сосчитано. Его всегда и на все хватает, потому что оно – неотъемлемое имманентное свойство бытия.

Из этой особенности традиционного конструирования времени следует другая его черта, характерная для России: время приобретает *локальный* характер, определяемый не естественными часовыми поясами, а замкнутостью и самодостаточностью локальных социальных и хозяйственных миров. В каждом из них формируется свой собственный *темпомир*, определяемый ориентацией на специфические формы сохранения и воспроизводства привычных форм жизнедеятельности. Конструирование времени в традиционных хозяйственных образованиях определялось их автаркией, замкнутостью и самодостаточностью.

Российская цивилизация характеризуется, по мнению исследователей, соотношением нескольких базовых моделей *темпомира*. Логика этого соотношения на протяжении российской истории определялась взаимодействиями локальных антропоморфных *темпомиров* и попыток создания универсальной логики конструирования времени, обеспечивающего цивилизационное единство (см. [Горин, 2003]). Эти попытки принимали различные формы. Во-первых, форму логики естественно-циклической универсализации, определявшейся в масштабах экономико-географических регионов близостью периодов основных хозяйственных работ. Подобной логике отчасти подчинялись и циклы единого государственного времени. Согласно ему власть регулиро-

вала время сбора налогов и податей, рекрутских наборов, а также проведения крупных ярмарок, торгов и пр. Во-вторых, форму логики литургического времени, основанной на христианской эсхатологии, вносившей в естественную цикличность традиционного общества универсальность постоянной заботы людей о духовном спасении и наделении повседневности высшим смыслом. В-третьих, форму логики универсализации, связанной с разрывами традиционных временных циклов мобилизационными усилиями государства по реализации общих политических целей – государственного и имперского строительства, военных кампаний, реформ, модернизационных преобразований. В рамках этой логики происходило смещение временных циклов за счет внесения в них элементов линейности целеполагания и целедостижения, вектор времени смещался в будущее, которое приобретало большую ценность, нежели настоящее и прошлое.

Однако ни одна из перечисленных логик универсализации социального конструкта времени не могла окончательно преодолеть его локальности и цикличности при отсутствии ориентации на экономический рост. Конечно, ни в коем случае нельзя отрицать стремления традиционного хозяина к увеличению благосостояния, к богатству. Однако это стремление имело, в конечном счете, потребительские цели, а значит, всегда соотносилось с нуждами человека, которые в традиционных обществах весьма стабильны. Хозяйствование, включая рыночный обмен, было направлено не на рост продукта или прибыли, а на поддержание имеющегося уровня благосостояния. Деньги в обществе, где преобладало мелкое аграрное производство, рассматривались как средство обмена, циклического обращения, но не роста. Хозяйство велось не ради получения и приращения денег; скорее, деньги требовались для ведения хозяйства, в процессе которого они должны были *потребляться, а не накапливаться* [Гуревич, 1984, с. 283, 289]. Представлений о прямой связи денег, выражающих меновую стоимость товара, со временем здесь еще нет, как нет и представлений о том, что посредством денег, воплощающих ценность товаров при обмене, выражается соотношение ценности социального времени, потраченного на их производство и потребление. Поэтому нет и представлений о ценности времени, способного приносить деньги, нет единой линейной логики времени экономического роста.

Первой сферой деятельности, в которой деньги обнаружили одновременно свою способность к росту и непосредственную связь со временем, стали ростовщичество и банковское дело. Открытая банкирами способность денег прирастать, обращаясь во времени, весьма существенным образом повлияла на развитие новой парадигмы социального времени как "времени купцов", пришедшему на смену традиционному "времени землепашцев". В этой новой, сложившейся в Западной Европе в конце Средних веков, парадигме времени оно обретает такие фундаментальные социальные характеристики, как *инструментальное назначение, утилитарную ценность, имеющую денежное выражение, линейность*, а также ряд производных от них свойств. В России "время купцов" начинает серьезно подрывать локальные циклические соразмерные человеку *темпомиры* несколько позже, чем в Западной Европе. Этот подрыв связан с попытками превращения логики рынка и экономического роста в универсальную логику социального конструирования.

Принципиально важно, что в контексте новой, складывающейся модернистской парадигмы времени задается *практическое* видение времени как "инструмента действия, а не понятия о месте человека в истории" [Abdel-Malek, 1981, p. 179]. Время представляет собой уже не имманентное *свойство* бытия, неотделимое от конкретного содержания, а его *форму*, существующую независимо от наполнения, а потому поддающуюся анализу, объективным оценкам, измерению.

Развитию точного измерения времени в Западной Европе в Средние века способствовало, наряду с усовершенствованием астрономии и механики, становление товарно-денежной экономики, прежде всего торговли и производства, ориентированного на рынок. Поскольку, по выражению К. Маркса, единственным качеством денег является их количество [Маркс, 2000, с. 172], распространение денежного обращения в усло-

виях рынка порождает и распространение представлений о *калькуляции*, количественном исчислении как базовой и универсальной интеллектуальной процедуре [Simmel, 1978, p. 152]. Точное знание времени, затраченного на производство того или иного продукта, стало необходимым атрибутом развития мануфактурного и фабричного производства. Ориентация на рынок, на меновые стоимости, позволила приравнять время труда к зарабатываемым деньгам. Время напрямую стало рассматриваться как *инструмент приращения денег*, максима "время–деньги" стала одной из фундаментальных основ новой буржуазной культуры.

Связь с универсальными деньгами рынка обусловила и специфические характеристики социального времени капиталистических обществ. Открытие связи денег и времени распространило представления о калькуляции как об основе *рационального использования* времени. Выходящее за рамки натурального хозяйства производство потребовало *объективного*, более не связанного с естественными ритмами человеческой жизни или природными циклами, измерения времени труда и ускорило внедрение точных механизмов измерения отрезков времени. Эти отрезки – сутки, часы, затем и минуты – в их необратимом движении и ритмичной смене задавали *объективную, отчужденную от человека регулярность*. Появление часов на башнях в крупных городах обеспечило *универсализацию* этой регулярности. Происходил процесс постепенного движения от очеловеченного, проживаемого, конкретного и локального времени естественного цикла к объективному, разделенному на абстрактные и универсальные промежутки времени массового производства и рынка¹.

Способствуя универсализации времени, деньги рыночного обмена способствуют и выходу за рамки пространственно локализованных отношений и связей, в том числе локальных *темпомиров*. Поэтому историческое становление единой валютной системы – символических денег – сопряжено с постепенным разрушением архаичной автаркии и всех ее социокультурных атрибутов. Развитие единого рынка постепенно переподчиняет локальные хозяйственные миры, соразмерные человеку, обществу и природе, универсальной логике рентабельности, эффективности, получающей объективное выражение в деньгах. Если в традиционных обществах каждый локальный мир живет на доступном ему уровне удовлетворения потребностей и при этом является самоценным, то при рыночном универсализме возникает представление об "отсталости", связанной с экономической неэффективностью и застойной бедностью "живущей прошлым" периферии. Ей противопоставляется динамика роста экономических центров, воплощающих *прогресс как накопление ресурсов и как движение из прошлого в настоящее и будущее*.

В условиях рынка деньги, будучи выражением меновой стоимости, позволили приравнять друг к другу разные формы труда, установить регулярную и универсальную связь между различными сферами человеческой деятельности. Универсальные и стабильные рыночные денежные связи способствуют интеграции индивидуального времени каждого участника экономической жизни в единое универсальное время рынка. При этом деньги стали выражать *соотношение ценности времени*, затраченного в этих разных сферах деятельности, позволили сравнивать разные формы социального времени. Денежное обращение делает возможным оценку индивидуального времени каждого участника рынка в контексте совокупного общественного экономического времени, иерархически выстраивать все виды хозяйственной деятельности по их меновой полезности и доходности.

Таким образом, время осознается уже не как объективная данность, имманентное свойство бытия, а как *ценность*, приобретаемая личностью, принадлежащая ей и созна-

¹ Первые часы в Московском Кремле появились в начале XV в. В XVII в. на Спасской башне были установлены первые куранты, но их механизм еще не был приспособлен к современному отсчету временных промежутков, и лишь в 1706 г. были установлены куранты современного типа, купленные Петром I в Голландии.

тельно ею используемая. Открытие способности денег умножаться в процессе обращения во времени совпадает с возведением времени в ранг важнейшего достояния общества и человека. Если человек традиционного общества, благосостояние которого от времени не зависит, не считает необходимым время беречь, спешить, "гнаться" за временем, которое от него никуда не уходит, сохраняя свои привычные темп и ритм, то человек Нового времени осознает неумолимый бег времени, за которым надо поспеть, в единицу которого надо вместить как можно больше полезных и плодоносных операций. Соответственно, время, проведенное не в эффективной деятельности, направленной на добывание денег, воспринимается как потраченное впустую. Погоня за деньгами заставляет отказываться от "бесплодной" траты времени на раздумья и рефлексии, на поиски смыслов, на созерцание и внутреннее самосовершенствование. Сколь бы плодоносным в духовном, интеллектуальном, эмоциональном плане ни оказывалось уделенное им время, с позиций утилитарного конструкта социального времени оно будет рассматриваться как потраченное впустую, если его плоды не удастся конвертировать в деньги.

Отсюда следует целый ряд социокультурных установок относительно времени, ярко проявляющихся в современной России. Их суть состоит в императиве "окупаемости" затрат времени. Например, время, потраченное на учебу, должно окупиться хорошей, высокооплачиваемой работой. Сегодня можно наблюдать тенденцию к сокращению времени обучения, стремление как можно скорее начать профессиональную карьеру, а само обучение все больше утрачивает характер разностороннего университетского образования, от которого отказываются в пользу "компетентностных", то есть "практически применимых" знаний и навыков. Характерно также, что молодые люди легко принимают необходимость проводить значительную часть своего времени в офисе (на работе), считая его продуктивным, но протестуют против требований тратить такое же или даже меньшее время на образование (выполнение домашних заданий, подготовку к экзаменам и т.д.), воспринимая это как избыточную нагрузку.

Человеческое общение – самодостаточная ценность в традиционных обществах, основанных на межличностных связях. Соответственно, оно рассматривается там как достойное и продуктивное проведение времени, в противоположность условиям рынка, где утрачивается его самостоятельная ценность. Последняя теперь зависит от того, происходит или не происходит в процессе общения накопление чего-либо, например полезных связей. Люди начинают меньше общаться, поскольку время свободного общения вычитается из "полезного" времени накопления. Социальное время оценивается по его эффективности и плодоносности, в терминологии П. Бурдьё – накопления социального капитала, который может быть конвертирован в денежный. Стало актуальным понятие "полезных" и "бесполезных" знакомств, то есть тех, время поддержания которых может или не может быть конвертировано в прибыль. Но и сама по себе "роскошь общения" также стала приравняться к деньгам: тратить время на досуг в компании, на поддержание знакомств и дружбы могут те, кто свободны от жесткой необходимости зарабатывать деньги или не боятся недополучить прибыль [Бурдьё, 2004, с. 534].

Как показал Г. Зиммель, деньги обладают способностью *сжимать время*, потому что они "переворачивают" телеологическую цепочку и превращают средство в цель [Simmel, 1978, p. 211, 220]: желающий получить любую внеэкономическую ценность (например, образование или полезные связи) должен прежде всего обеспечить необходимые для этого деньги. Сжатие времени порождает спешку, стремление совершить за минимальное время максимальное количество полезных действий. В результате гонки за деньгами социальное время уплотняется и ускоряется, становится дефицитом, превращающимся в постоянно действующий фактор беспокойства.

На первый взгляд, сказанному об ориентациях современного общества на рациональное и эффективное использование времени противоречит тот факт, что именно сейчас появляется новый российский "праздничный класс" – новоявленные "светские львы" и "львицы", проводящие время в гламурных развлечениях. Однако мне пред-

ставляется, что данное явление – латентное последствие отождествления времени и денег и придания времени ценности, выраженной в деньгах. Т. Веблен описал этот феномен как "демонстративную праздность", то есть трату времени как символ денежной избыточности. Проведение времени в подчеркнуто бессмысленных и бесполезных занятиях у богатых социальных групп означает их свободу от необходимости зарабатывать деньги, которые и так есть. Демонстративная праздность нередко принимает опосредованные формы, становится "подставной", когда некто, сам много и эффективно работающий, делегирует функцию символической траты времени другим – неработающим членам семьи, прислуге, телохранителям и т.д. [Веблен, 1984, с. 90–101]. В масштабах общества "подставная праздность" осуществляется социальными группами, к которым, в числе прочих, и относятся "светские" бездельники.

Еще одним свойством модернистской парадигмы времени рынка становится его *линейность и необратимость*, в противоположность цикличности традиционного времени. Возникновение линейного времени модерна обусловлено развитием представлений о деятельности людей как о рационально телеологически ориентированном процессе, а также становлением науки Нового времени как знания о природе, рассматриваемой с точки зрения детерминизма, однозначных и линейных причинно-следственных связей. Поскольку вложение денег сегодня осуществляется ради *будущей* прибыли – пусть даже это весьма близкое будущее, происходит и смещение временной ориентации человека с прошлого на настоящее и будущее. В результате время отчуждается от реальной человеческой жизни и переводит историю людей в отчужденную историю производства и капитала. Маркс в своих исследованиях отчуждения показывает, как время человеческой жизни утрачивает содержание и качество, которые заменяются количеством заработанных денег, – неважно, идет ли речь о заработной плате работника или о доходе предпринимателя: "Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчуждаемая жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности" [Маркс, 2000, с. 275–276]. Русский писатель XIX в. Г. Успенский в очерке "Книжка чеков" изображает буржуазную логику восприятия личности в зависимости от количества зарабатываемых за определенный промежуток времени денег: от "человека-гривенника" до "человека-рубля" и даже "книжки чеков", хотя, по существу, все они одинаково обезличены и их существование в равной степени бессмысленно [Успенский, 1988, с. 354–355].

Качественное содержание конкретного этапа личной биографии или общей истории утрачивает ценность по отношению к перспективам роста денег. Можно сказать, что и прошлое, и настоящее, в котором реально живет человек, дискриминируется во имя будущего. Так, и постсоветский рыночный неопит, и фундаменталист склонны интерпретировать времена массового героизма, единения народа, духовного и нравственного подъема лишь как времена бедности и лишений. Временной вектор обретает культурную императивность, согласно которой пропорционально росту денег в будущее переносится и более совершенное состояние как экономики, так и социума, и отдельного индивида. Собственно, именно развитие рынка и превратилось в метафору всего "прогрессивного", устремленного в будущее, а денежные накопления стали мерилом и критерием "не зря" прожитых лет. Такие экзистенциально значимые жизненные этапы, как вступление в брак, рождение ребенка стали обесцениваться по причине именно их денежной, рыночной неэффективности: время, потраченное на заботу о близких, эмоциональные усилия на поддержание долгосрочных отношений, совместный быт, а также на "сидение" с ребенком, вычитается из времени карьерного роста и заработка. В то же время именно денежная состоятельность стала критерием готовности личности к совершению человеческого и социального предназначения: у "разумных и ответственных" современных людей обеспечение материальной базы должно предшествовать созданию семьи, рождению ребенка. Представляется, что сама идея "материнского капитала" оказалась воспринятой потому, что независимо от

размеров суммы, ее адекватности и условий выплаты, здесь установлен значимый *денежный эквивалент* для времени, затраченного на воспитание ребенка.

Императив экономического роста, за которым стоит и сущностью которого является рост денег, приводит к навязыванию времени рынка и товарного производства тем обществам, которые сохраняют модель традиционного циклического времени. Как подчеркивает Г. Дебор, "победа буржуазии – это победа глубинного исторического времени, так как оно является временем экономического производства, постоянно снизу доверху преобразующего общество. Пока сельскохозяйственное производство остается основным трудом, циклическое время, все еще присутствующее в глубинах общества, питает объединенные силы традиции, которые вот-вот затормозят движение. Но необратимое время буржуазной экономики искореняет такие пережитки по всему миру" [Дебор, 2000, с. 84].

Таким образом, любая модернизация представляет собой и трансформацию социального конструкта времени, основной смысл которой состоит в подчинении локальных традиционных *темпомиров* единой универсальной логике времени рынка. В России трансформации социального времени были связаны с этапами модернизации, начиная с реформ Петра I (не случайно именно тогда возникла потребность в переходе на новое летоисчисление, единое с западным миром) и кончая рыночными реформами рубежа XX–XXI вв. В советский период, когда рыночные отношения радикально отрицались и сохранялись как раз на уровне локальных *темпомиров*, конструирование времени, тем не менее, являло собой пример ярко выраженной модернистской устремленности к экономическому росту и прогрессу, хотя и обеспечиваемому не рыночным оборотом, а идеологической ориентацией и государственной политикой "строительства материально-технической базы коммунизма". Характерно, что именно тогда появилось понятие "неперспективная деревня" – неспособная к эффективному росту, застрявшая в прошлом и потому приговоренная к ликвидации. Это понятие как раз и отражало полную непригодность локальных человеческих миров к развитию в ритме универсального времени прогресса, жестко структурирующего реальность относительно единых целей.

В "перестроечный" период российской модернизации одним из самых значимых векторов трансформации стало установление очевидной связи линейного времени с развитием рынка. Представляется, что столь радикального подчинения социального конструирования времени его денежной эффективности российская культура еще не знала. В период развития рыночного индустриального капитализма в XIX–XX вв. время личностного и социального становления все же не было обесценено. Для России – это еще тот этап укоренения рынка, когда человек делал капитал, а не капитал человека, поэтому то время и те деньги, которые затрачивались на развитие личности и на выполнение социальных обязательств, рассматривались как предпосылка успеха дела, а нередко – и как его итог. Не случайно тогда преобладающими формами взаимодействия бизнеса и общества стали благотворительность и меценатство, основанные на личных вкусах и пристрастиях, в отличие от современного спонсорства, ориентированного на эффективное вложение средств с неременным получением от них отдачи на основе точного расчета, а не личного интереса.

Однако линейность социальной конструкции времени экономического роста в условиях рынка относительно и выражает лишь ее самые общие свойства: строгая линейная перспектива времени рынка, соответствующая вектору экономического роста – такая же абстракция, как абстракция *homo oeconomicus*. Если за вектор времени принимать не социальный императив роста, а реальные отношения детерминации, то оказывается, что "экономику пронизывают временные потоки в виде стрел времени, направленных из прошлого в будущее и из будущего в прошлое". Это объясняется неоднозначностью причинно-следственных связей в условиях рынка, воздействием разного рода случайных факторов и возникновением непредвиденных последствий экономической деятельности в условиях свободного рынка. Исследователи на этом основании могут утверждать, что время рынка имеет тенденцию к образованию "временных петель об-

ратной связи" [Бирюков, 2000, с. 101, 89], выражающих неоднозначность детерминации и влияние прошлого опыта на принятие экономических решений.

В разных сферах деятельности полезный результат достигается за разное время, поэтому можно сказать, что в обществе вообще и в экономике в частности одновременно развивается – множество "стрел времени" (термин И. Пригожина) как векторов рациональной деятельности субъектов, работают и "длинные", и "короткие" деньги, необходимые в разных сферах хозяйственной деятельности. Деньги оказываются инструментом "определения величины ценности экономического времени" [Бирюков, 2000, с. 93], с помощью которого можно выявить связь между продолжительностью деятельности и ее полезностью.

Искривления и разрывы линейного социального времени становятся особенно очевидными в условиях глобализации и связанным с ней развитием новых форм денег, прежде всего виртуальных, финансовой экономики и электронных кредитных денег. В России социальные последствия этих процессов особенно интересны, поскольку у нас рыночные трансформации совпали с переходом наиболее развитых стран на уровень информационного общества, общества массового потребления и экономической глобализации.

Глобализация финансовой экономики и трансформация социального конструкта времени

Трансформация представлений о времени в современном обществе уже стали предметом анализа ряда западных исследователей, в первую очередь Г. Дебора, Э. Гидденса, З. Баумана, Ж. Бодрийяра и др. Они отмечают, что наиболее существенное влияние на трансформацию социальных конструктов времени оказала глобализация и присущая глобальной экономике *двойственность денег*: наряду с деньгами реального производства и рынка возникли виртуальные деньги и виртуальная финансовая экономика.

Виртуальные деньги представляют собой деньги "семиотические", то есть чистые знаки, освободившиеся от любой референции в реальной действительности, в том числе и от реальности рынка и меновых стоимостей. Соответственно, пользуясь терминологией Бодрийяра, виртуальные деньги превращаются в *симуляции* денег реального производства и уже не означают движение меновых стоимостей и соотносительную ценность времени, затраченного на разные виды социальной деятельности: "Нет больше никаких референций производства, значения, аффекта, субстанции, истории, нет больше никакой эквивалентности реальным содержаниям... Победила другая стадия ценности, стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции" [Бодрийяр, 2000, с. 52]. Симуляция денег отражается на всех социальных конструктах глобального общества, в том числе на конструировании социальных смыслов времени. Она принципиальным образом трансформирует его линейную модернистскую парадигму, возвращаясь на новом уровне к цикличности традиционного времени.

Исследователи социальных аспектов глобализации отмечают, что для нее характерна специфическая *атемпоральность*, утрата значимости временного измерения. Ее основные причины видятся, во-первых, в развитии информационных технологий, снимающем значимость фактора времени в ходе передачи информации и практически любых социальных взаимодействий; во-вторых, в том, что виртуальные деньги глобальной экономики, способные прирастать независимо ни от каких реальных факторов, создают симуляции экономического роста, прогресса, благополучия. Ориентация на максимизацию денежной прибыли, служащая основой линейного времени производства и рынка, теперь утрачивает вектор, направленный в будущее, определяемое ростом, так как максимальная прибыль может быть извлечена и из деструктивных практик, связанных с возвратом в прошлое реальных секторов экономики. Поскольку сам экономический рост становится симулякрот, а его денежное выражение освобож-

дается от реальной референции в виде роста производства или оборота меновых стоимостей, вектор социального времени, связанный с экономическим ростом, утрачивает прежнюю значимость.

В России постперестроечного периода эти тенденции особенно очевидны: те сектора экономики и связанные с ними социальные группы, которые ориентированы на глобальную экономику (нефтегазовый, горнодобывающий и т.п.), а также на оборот финансовых средств, оказались весьма эффективны и прибыльны, но их развитие не сопровождается адекватным ростом реального производства. Рост капиталов в отдельных сферах экономики и у отдельных лиц связан с деструктивными процессами во многих других сферах как хозяйства, так и общественной жизни. Одной из самых сложных и насущных проблем современной России стал беспрецедентный разрыв между уровнями благосостояния самых бедных, отброшенных в глубокую архаику социальных групп, и самых богатых (по разным оценкам – в 15–30 раз). По данным всероссийских опросов, противоречие между богатыми и бедными воспринимается в обществе как самое острое из всех социальных противоречий [Свобода... 2007, с. 12, 248, 262].

В условиях развития виртуальных денег время сохраняет обретенную в эпоху модерна инструментальную ценность, однако по-новому расставляются смысловые акценты: время по-прежнему обладает ценностью, благодаря способности денег прирастать в процессе оборота во времени, но особую ценность имеет обретаемая в виртуальной реальности *вневременность* денег, то есть возможность разрывов как в получении прибылей, так и в их утрате. Такое предельно сжатое время с разрывами изменяет весь баланс экономического времени общества: его полезность определяется не произведенными ценностями, имеющими денежный эквивалент, а виртуальными деньгами, что ведет к обесцениванию всех других форм экономического времени. Благодаря тому, что операции с виртуальными финансами становятся практически не зависимыми от времени, в макроэкономических масштабах планируемое, ориентированное в будущее время производства дополняется "реальным временем" финансовых трансакций. Причем последнее оказывается гораздо более дорогостоящим и прибыльным, а первое, соответственно, обесценивается, поскольку прибыль от производства, ожидаемая в будущем, в условиях быстро и непредсказуемо меняющейся ситуации, менее надежна и привлекательна.

Особенно чувствительно это обесценивание времени производства в нестабильных и переходных обществах, где привлекательность "быстрых денег" оказывается деструктивной для реального производства и всех видов деятельности, не приносящих быстрой отдачи. Наиболее ценными являются формы деятельности, приносящие максимальные деньги за минимальный промежуток времени, и этот промежуток имеет тенденцию к сокращению. "Длинные деньги", работающие в течение длительных сроков, превращаются в подлинный социальный дефицит.

В значительной степени атемпоральность современного общества связана с еще более сильным, чем в условиях классического рынка, размыванием устоявшихся причинно-следственных отношений. Стрела времени, определяемая детерминацией экономического роста, направлена в будущее до тех пор, пока существует однозначная связь причины и следствия. Однако рост симулятивных виртуальных денег не детерминирован реальными экономическими причинами, поэтому его, как и любые симулятивные процессы, можно рассматривать сквозь призму известной постмодернистской концепции "смерти Автора". Линейные векторы времени, еще связанные с динамикой реальных экономических процессов, становятся частным случаем развития, которое принимает в целом нелинейный характер и утверждает естественность и неуничтожимость случайных и непредсказуемых флуктуаций, делающих настоящее состояние не определяемым прошлым и не влияющим на будущее [Кравченко, 2007, с. 180].

Таким образом, атемпоральность современного общества – следствие сочетания двух факторов: доминирования ориентации на *краткосрочность*, утраты временной перспективы и подрыва отношений причинности: "Сегодня условия изменяются внезапно, попирая любые разумные представления и не следуя твердой логике или внят-

ным схемам. Возникает ощущение разъединенного времени, идущего от неожиданно-го эпизода к непредвиденному и угрожающему способности человека составить из отдельных фрагментов целостное повествование" [Бауман, 2002, с. LV].

Сжатие времени, абсолютизации "сейчас" и его безусловным приоритетом над прошлым и будущим способствует превращение *потребления в элемент системы* экономического роста за счет постоянного производства симулякров устаревания товаров и услуг. Необходимость поддержания и постоянного воспроизводства потребностей в их растущем многообразии требует, чтобы сокращалось само время пользования товарами и услугами, чтобы оно свелось к моментальному удовлетворению потребности и ее забвению, освобождающему место для следующего неудовлетворенного желания. Таким образом, суть современного потребления все больше сводится не к длящемуся во времени процессу, а к виртуальному культивированию желаний и предвкушений будущего удовлетворения, мгновенно забываемому и сменяющемуся новыми потребительскими грезами [Бауман, 2002, с. 118–119].

Такая потребительская ориентация способствует "свертыванию" социального времени, закручиванию его в спираль: будущее переживается в настоящем и тут же утрачивает свою значимость, возвращаясь на новый виток. Постоянное скольжение по этой временной спирали поддерживается развитием *кредитных денег*, все более легким и массовым доступом к ним. Кредит делает доступным товар, который, по существу, не заработан: с одной стороны, позволяет *сейчас* достичь цели при реальном отсутствии средств, с другой – переносит в будущее расплату за удовлетворение потребности в прошлом. Таким образом, "жизнь в кредит" представляет собой забегание вперед во времени посредством получения незаработанных денег, пребывание в настоящем для собственно удовлетворения потребности и возврат в прошлое для осуществления платежей за те блага, которые уже потреблены и пережиты [Бодрийяр, 2000, с. 17].

Автор концепции "общества спектакля" Дебор рассматривает нелинейное социальное время в обществе потребления как *псевдоциклическое зрелищное* время, которое одновременно является и временем потребления образов (рекламы, массовой культуры и т.п.), и образом потребления времени (чередования труда и досуга, рабочего времени и отпуска, зрелища и ожидания зрелища и т.п.). Псевдоциклическим оно оказывается потому, что сам человек остается неподвижным зрителем разыгрываемого перед ним зрелища: "Тогда как циклическое время было временем неподвижной иллюзии, переживаемой реально, время зрелищное является временем трансформирующейся реальности, переживаемым иллюзорно". Здесь уже нет логики и детерминации процесса развертывания жизни, будь то индивидуальная биография или общая история, ибо общество спектакля ориентировано на «продажу "полностью экипированных" блоков времени, каждый из которых представляет собой единый унифицированный товар». Единое время распадается на несвязанные отрезки, повторение которых диктуется не смыслом, которым наделено время, подобно цикличности возврата особо значимых событий в жизни традиционных обществ, а внешней логикой спектакля, основанной на равнозначности и взаимозаменяемости удовлетворенных потребностей, получаемой информации и т.д. Все события, свидетелем которых становится зритель "спектакля", оказываются лишь чередой "неподтвержденных рассказов, неконтролируемых статистических данных, неправдоподобных объяснений и невразумительных размышлений... отстраняемых на мифологическую дистанцию" [Дебор, 2000, с. 89, 88, 128].

Безразличие симулятивного экономического роста ко времени реального производства приводит к тому, что последнее утрачивает социальный приоритет перед временем досуга. Когда деньги уже не связаны со стрелой социального рабочего времени, совпадающей с вектором развития производства, все формы социального времени оказываются уравненными в своем значении. Бодрийяр утверждает, что в условиях тотальных симуляций уже нет разницы между временем производства и временем досуга, поскольку "всякий труд сливается с обслуживанием – с трудом как чистым при-

сутствием/занятостью, когда человек расходует, *предоставляет* другому свое время... Производится ли при этом что-нибудь или нет – не имеет значения по сравнению с этой личной зависимостью". Это уравнивание осуществляется благодаря деньгам как универсальному коду, которым "помечается" любая форма времени – оплаченный отпуск, оплаченное (пособием) время безработицы, а также досуг, учеба, повышение квалификации и т.д. Целью трудящихся оказывается уже не "справедливая" оплата труда, а максимальная плата за минимальное время [Бодрийяр, 2000, с. 67, 74]. Бодрийяр на этом основании утверждает, что в современных условиях исчезает отчуждение (по Марксу) рабочего времени человека как непосредственно, так и в овеществленной форме, поскольку не отчужденного времени уже просто нет.

Тотальное отчуждение времени – одна из важнейших причин атемпоральности современного общества: люди стремятся это не принадлежащее им и противостоящее им время сжать, "убить", изгнать из своей жизни. Тенденция к сжатию времени и его отчуждение становятся всеобщими: преуспевающим актерам всегда не хватает времени, они жаждут уплотнить его, чтобы произвести в единицу как можно больше полезных и плодоносных действий, и чем за меньший промежуток времени получена максимальная денежная прибыль, тем выше социальная ценность этого времени. Время аутсайдеров ничего или почти ничего не стоит, они страдают от избытка времени, которое не приносит плодов в виде денежной прибыли, и поэтому тоже склонны к сжатию и уплотнению времени для создания видимости его большей продуктивности.

Избыточное социальное время как раз и расходуете как псевдоциклическое время зрелищ и разнообразных форм потребления в качестве способов заполнения избыточного времени, придания ему видимости содержательности. Дебор отмечает: «"Спектакль" есть не что иное, как смысл целостной практики определенной социально-экономической формации, ее способ *распределения времени*» [Дебор, 2000, с. 25]. При этом все меньшую ценность имеет время, затраченное дополнительно к созданию продукта на его отделку, усовершенствование, на оттачивание профессионального мастерства, на углубление знаний. "Время спектакля" заполняется массовой, стандартной продукцией, созданной и потребляемой по принципу макдональдизации, то есть эффективности на единицу времени. Эксклюзивное качество, "ручная работа", связанная с нерегламентированной тратой времени, представляет особо ценный и дорогостоящий продукт, потребление которого становится социальным маркером особо высокого статуса, на уровне которого единица времени стоит очень дорого.

Многие социальные и культурные проблемы в различных сферах жизни современной России связаны с динамикой социального конструирования времени, на которую существенным образом влияет совпадение рыночных трансформаций с глобализацией и развитием общества массового потребления. Переход от циклического неинструментального, локального времени традиционного общества к универсальному линейному инструментальному времени, характерный для модерна с присущими ему ориентациями на экономический рост и эффективный рыночный обмен, в нашей стране не был завершен. Он наиболее радикально осуществлялся в советский период в форме идеологической и политической ориентации на мобилизацию усилий по индустриализации и созданию "материально-технической базы коммунизма". В постперестроечный период инструментализация времени, обусловленная его измерением денежной эффективностью, стала одним из важнейших факторов отчуждения от человека социального времени и времени его личной биографии. Инструментальность времени сохраняется в условиях глобализации, однако линейный вектор экономического роста – частный случай, подчиненный псевдоциклическости, выраженной во времени, заполненном симулятивной деятельностью и потреблением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
Бирюков В.В. Время как фактор развития экономики в рыночных условиях. СПб., 2000.

- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
- Бурдье П.* Формы капитала // *Западная экономическая социология.* М., 2004.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
- Горин Д.Г.* Пространство и время в динамике российской цивилизации. М., 2003.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000.
- Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К.* Социология. М., 2000.
- Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России.* М., 2007.
- Успенский Г.И.* Книжка чеков // *Успенский Г.И.* Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1988.
- Abdel-Malek A.* Civilisations and Social Theory. Vol. 1. New York, 1981.
- Simmel G.* The Philosophy of Money. London, 1978.

© Н. Зарубина, 2009